

Особенности национальных отношений на фоне культурных катастроф

Статья опубликована в журнале «Белорусский климат»
(№4, 1997 г.).

Что будет, если Беларусь заселить попуасами или пингмеями? (Остановимся на таком написании: «попуасы» и «пингмеи», – чтобы не обижать уважаемые реальные папуасский и пигмейский народы.) Возможно, кому-то из читателей этот вопрос покажется диким. Такое невозможно. Ну и что? Пусть невозможно, но попытаемся на фантастическом примере посмотреть – что же будет? Допустимы два разных исхода как предельные случаи и синтетические промежуточные варианты. Остановимся на предельных случаях:

1. Страна станет попуасской, этакая «Попуа – Белая Взгвинея», где будут проводиться референдумы за тесную интеграцию с Великой Взгвинеей, восстановление разрушенных связей, равноправие языков и введение символики с попуасским орнаментом под лозунгами единства попуасских народов.

2. Беларусы будут говорить на «трясянцы», гордиться славянским менталитетом, спорить о роли Великого княжества Литовского (ВКЛ) в формировании культуры и государственности Беларуси, но будут чернокожими и курчавыми.

Первый вариант возможен, если смена населения произойдет за короткий срок – не более жизни одного поколения. Второй вариант – если миграция популясов будет продолжаться несколько столетий, и они будут перемешиваться с коренным населением постепенно, адаптируясь к новым условиям жизни, осваивая культуру и заключая смешанные браки. Промежуточные варианты интересны только тем, что споры и дискуссии всебеларусского масштаба будут вестись о том, что нам ближе: Европа или Полинезия, вступать ли нам в НАТО или в АСЕАН.

Продолжая мысленный эксперимент, предпримем две редукции: формально-логическую и сравнительно-историческую.

В формальной логике это выглядит следующим образом: этнос α мигрирует с территории А и заселяет территорию Б, где до того жил этнос β . В результате возможны варианты:

1. Этнос α живет на территории АБ, а этнос β с этой территории исчезает: либо растворяется в α , либо переселяется еще куда-то.

2. Этнос α вливается в этнос β , осваивая его культуру и язык, принося только расовый генотип (цвет кожи, разрез глаз, группы крови и т.д.), т.е. все остается на своих местах – α живет (или жил, если переселилось 100% населения) на территории А, β – на территории Б.

3. Этности перемешиваются не только по крови, но и по культуре и языку, и возникает новый этнос $\alpha\beta$, с новой культурой, новым языком и с произвольным именем территории (либо А, либо Б, либо АБ, либо вообще новым – В).

А исторические сравнения могут дать множество примеров всех вариантов:

1. Восточная Пруссия дважды за время исторической памяти пережила первый вариант. В XIII–XIV веках немцы вытеснили или ассимилировали древних пруссов, а после Второй мировой войны всех немцев депортировали и заселили территорию русскими (советскими). В результате нет ни Тильзита, ни Кёнигсберга, а есть молодые города Советск и Калининград. Венгры заселили Паннонию, поляки – Померанию, арабы распространились далеко за пределами Аравии, и т.д.

2. Афроамериканцы – это американцы, точно так же как и бывшие ирландцы, англосаксы, немцы и итальянцы. В течение нескольких веков завоеватели приходили на Апеннинский полуостров и оста-

вались там, а страна как была Италией, так и осталась: язык менялся исторически, так же как и греческий, но все завоеватели усваивали тот вариант латыни, который сложился ко времени их прихода.

3. Самый распространенный вариант. На территорию древней Фракии пришли греки – и принесли культуру и письменность, затем с Волги пришли булгары – и оставили этой земле новое имя, потом накатилась славянская волна – и оставила язык. Теперь там живет народ балкано-кавказской расы, со славянским языком, греческой религией и поволжским именем. Англичане: кельтское население Британии, слегка латинизированное римлянами, принимает имя одного из племен германских завоевателей – англов, усваивает общий для них и саксов германский язык, который вторично романизируется под воздействием новых завоевателей – нормандцев, которые, в свою очередь, сохранив скандинавское имя, пользовались французским языком. Французам (потомкам галлов или кельтов, а также басков или гасконцев) досталось имя от маленького германского племени франков и вулгаризованная латынь в качестве общего языка. Они забыли и кельтский язык, и неиндоевропейский гасконский или провансальский, а также германские языки завоевателей – готов, франков и норманнов. Большинство современных наций представляет собой такую конструкцию из антропологического субстрата: культуры, традиций быта и хозяйства, языка, идеологии и религии, возникших на одних территориях, а собранных в органичное национальное целое на других.

История того, как дикие германские племена приходили на территории римских провинций, оседали на развалинах опустевших древних городов, навязывали сельскому галльскому или иберийскому населению свои нормы общественных отношений, учились разговаривать с ними на упрощенной латыни и постепенно становились испанцами, каталонцами, португальцами и французами, хорошо известна.

Известно также и начало складывания белорусской нации. Заселение славянскими племенами земель ятвягов, литовцев и жемайтов, приход варяжских (норманнских) дружин в Полоцк, разгром полоцкой государственности киевлянами, новая консолидация из Новгорода (Новогрудка), складывание собственной княжеско-магнатской аристократии с норманно-славяно-литовскими корнями. Т.е. все раз-

ворачивалось обычным путем, как и у других народов в те далекие времена. Но у всех народов такой процесс когда-нибудь заканчивается, а у белорусов этот процесс продолжается.

Если для Средневековья перемешивание этносов и взаимные заимствования языка, культуры и всего остального были нормой, то те же процессы в новое время (XVIII–XX века) уже представляют собой отклонение от нормы, для Беларуси же они стали катастрофой. (Здесь, кстати, нужно сделать замечание. В периоды перемешивания культур, языков и народов не бывает национализма и расизма. Эти явления возникают только тогда, когда синтез закончился, и то, что получилось в результате синтеза, начинает цениться. Гипертрофированная ценность может принимать извращенные формы, их-то и принято называть национализмом. Поэтому не было национализма в Средние века, но он стал проблемой для европейских наций в Новое время. Было бы желательно не путать осознание неким населением ценности органичного синтеза культуры, языка, антропологического субстрата и освоенной территории – того, что называется нацией или народом – с извращенными и гипертрофированными формами, которые эта ценность может принимать.) Национальные традиции и культуры нуждаются в длительном времени для своего развития. После того как произошло смешение антропологического субстрата, языка и культуры, нужны столетия, чтобы этот синтез стал органичным, чтобы он прижился на некоторой территории, обрел историческую память и стал транслируемой традицией, а если все это перемешивать раз или два в столетие, то история всякий раз начинается как бы заново. Мексика ведет свою историю с момента открытия Америки, США – с бегства пуритан из Англии на «Мэйфлауэре», калининградские русские – с 1945 года. Ацтеки и майя так же чужды современным мексиканцам, как и жителям Минска, а интерес калининградцев к Тевтонскому ордену и прусскому язычеству – не больше, чем к египетским древностям. Тевтонский орден – это немецкое прошлое и источник немецких традиций и образцов для подражания, но они не живут в Калининграде; а калининградцы черпают образцы из своей истории, которой не было в Кенигсберге, но ее не было и в Калининграде, которому 50 лет от роду.

А сколько лет Беларуси? И что же будет, если заселить Беларусь попуасами? Если принять во внимание все изложенное выше, то на эти вопросы можно легко ответить: ничего не будет. Или будет все то

же, что есть сегодня, потому что у современной Беларуси нет исторического возраста. Территория страны с ее историческими развалинами не обжита современным населением, она как будто бы чужая для современных белорусов – почти так же, как была бы чужой для пришедших сюда попуасов.

Такое утверждение требует обоснования историческим материалом. Для этого воспользуемся двумя методологическими принципами:

1. Принцип множественности историй. Не вдаваясь в детали, зафиксируем только то, что нам необходимо для обоснования суждений этой статьи. Народ может иметь одну историю, а территория – другую, и эти две истории могут содержательно не соответствовать друг другу. Хрестоматийный пример – Египет. История территории, на которой стоят пирамиды, изучается в школах всего мира, а история современного народа, населяющего эту территорию, очень мало с этим связана. О коптах – потомках строителей пирамид – вообще мало кто знает.

2. Принцип катастроф. История территории не непрерывна, а дискретна. То, что разворачивается на каждой конкретной территории, может быть не связано между собой в разные периоды времени. Классические примеры: Троя, Крит, Византия-Константинополь-Стамбул, Кенигсберг-Калининград и т.д. Такие разрывы непрерывности и будем считать катастрофами.

В ряд классических примеров исторических катастроф можно включить и такой объект как Литва-Беларусь. На одной и той же территории сменилось несколько исторических периодов, и то, что в эти периоды происходило, почти не связано между собой причинно-следственной зависимостью.

Рассмотрим цепь культурных катастроф на территории, которая имеет современное название «Беларусь», только за два последних столетия.

I. Восточная провинция Речи Посполитой. Аристократия и чернь

Этот период закончился 14 декабря 1795 года, когда Екатерина II подписала указ «о присоединении на вечные времена к России Ве-

ликого княжества Литовского». На месте последних присоединенных территорий ВКЛ были организованы две губернии: Виленская и Слонимская. Некоторая доля автономии сохранялась в этих и восточных губерниях за счет того, что продолжало действовать литовское право.

Литовская государственность была достаточно полной, несмотря на сосуществование в едином государстве с Польшей. Но это было государство аристократии-магнатерии и шляхты – именно этот класс пользовался правами и свободами, они же были единственными носителями идеи литовской государственности. После подавления восстания 1794 года литовские магнаты перестали играть сколь-нибудь серьезную роль в стране; соответственно, государственность была обезглавлена. Крупные магнаты эмигрировали из страны, активные участники восстания Тадеуша Костюшко из шляхты либо бежали, либо погибли, либо были сосланы вглубь России. Михаил Огинский «попрощался с Родиной» за них за всех в своем полонезе.

Таким образом, первая культурная катастрофа на литовских землях состояла в том, что, сохраняя рудименты правовой автономии, страна лишилась носителей государственности – тех граждан, которые только и были заинтересованы в литовской вольности, в правах и свободах. Мелкое чиновничество помнило о Статуте ВКЛ, но высшие чиновники были пришельцами из России; они жили в других правовых рамках, были патриотами другой страны. Высшие должностные лица назначались в первую очередь из военных, из состава оккупационной армии Репнина и Суворова. Им же и коллаборационистам из литовской шляхты раздавались имения и крепостные побежденных.

II. 1796–1840 годы. Первое литовское возрождение. Шляхта и чиновники

Первые полвека существования Беларуси в составе Российской империи были наполнены ожиданием восстания и восстановления литовской государственности. России приходилось содержать в беларусских губерниях боеготовые войска для пресечения возможных восстаний. Поэтому к 1812 году эти войска не были готовы к вторжению Наполеона: они были ориентированы на внутреннего врага. К наступающим французам присоединились все сторонники

ВКЛ от Вильно до Могилева. Надежды не оправдались; после разгрома французов в Европе стали доминировать три монархических режима: Россия, Австрия и Пруссия, между которыми была поделена территория Речи Посполитой и которые не оставляли никаких шансов на ее быстрое восстановление.

На землях ВКЛ началась насильственная русификация, а ответом на нее стала добровольная полонизация. Царское правительство внедряло в дело производство и образование русский язык, а шляхта, школяры и студенты в знак протеста увлекались польским. Виленский и Полоцкий университеты были разгромлены, факультеты, библиотеки и лаборатории перевозились в Россию, а студенты ехали учиться в Варшаву, Краков и Дерпт. Те же, что попадали в Санкт-Петербург, Москву или Харьков, сохраняли польскую идентификацию. Ученая эмиграция постепенно забывала о литовском происхождении и все больше осознавала себя поляками. Городское самоуправление ликвидировалось, промышленное развитие было остановлено, крестьяне закрепощались по русскому образцу, особенно после подавления восстания 1830 года. Привилегированный класс раздвоился: с одной стороны – присланные из России чиновники и русифицирующаяся православная шляхта, а с другой – полонизированная шляхта, изолированная от государственных дел и самоуправления, культурная ориентация которой полностью замыкалась на Польшу.

ВКЛ стало мечтой, причем польской мечтой. Лучшей иллюстрацией этого являются биография и творчество Адама Мицкевича. Литву еще помнили, воспевали в песнях и стихах, но забывали о ее автономии. В памяти полонизированной шляхты она становилась частью Родины-Польши, а в кошмарах русифицированных чиновников – взрывоопасной провинцией той же Польши.

Две неудавшиеся попытки восстановления Литвы (1812 и 1830 год) были дополнены абсолютистской реакцией эпохи Николая I. К 1840 году от Литвы осталась только память. Литовская конституция (Статут ВКЛ) была заменена на российское законодательство, городское самоуправление упразднено вместе с ремесленными цехами, купеческими гильдиями и конфессиональными братствами, униатская церковь ликвидирована и все униаты объявлены православными, в

беларусских провинциях не осталось ни одного высшего учебного заведения. Стали постепенно исчезать литовская шляхта и свободные горожане: они становились либо русскими дворянами и чиновниками, либо поляками.

III. 1840–1863 годы. Северо-Западный край Российской империи. Военные, полицейские и обыватели

К моменту переименования бывшей Литвы в Северо-Западный край Российской империи от структуры литовского посполитого общества почти ничего не осталось. Магнатерия была уничтожена в первой катастрофе, шляхта и горожане – во второй, остались только крестьяне – они и были объявлены беларусской народностью. При очень незначительном распространении грамотности среди православного крестьянства письменной памяти о существовавшем на этой территории государстве и его культуре практически не было. Уже в XIX веке не могло быть полноценной нации, состоящей только из сельских жителей, только из одного, притом угнетенного класса, а именно такой стала беларусская нация. Крестьяне – беларусы, паны – поляки, администрация, полиция, судьи и клир – русские, горожане – евреи. На одной территории живут совершенно разные народы, и каждый живет своей жизнью. Остатки литовской шляхты пытаются организовать очередное восстание. Им удастся воспользоваться некоторым недовольством крестьян на фоне отмены крепостного права и передела земли, город остается безразличным к этой попытке. Крестьяне уже не играют сколь-нибудь серьезной роли в истории к середине XIX века, а литовские города в упадке.

Все города Беларуси после 1840 года быстро деградировали и беднели. Еще в 1850 году Вильно был третьим городом Российской империи по численности населения. Но уже в этот год он уступил свое место Одессе, потом Киеву, Харькову, Риге, Нижнему Новгороду, и быстро превращался в захолустное местечко. Беларусские города утрачивали торговое и промышленное значение, они превращались в паразитические административные центры, места концентрации войск и полиции. Состоятельная публика беларусских городов состояла из чиновников, полицейских, военных, членов их семей и незначительной прослойки помещиков из близлежащих

маёнтков и фольварков. Последние составляли самую цивилизованную часть городских обывателей. Но это уже была маргинальная цивилизованность. Люди, только в первом-втором поколении выучившие польский или русский язык, без семейных архивов, без длинной семейной памяти – «тутэйшыя», выдававшие себя за поляков. Для обслуживания городских обывателей достаточно было мелкого ремесла и розничной торговли. Эту сферу деятельности начали монополизировать евреи, расселение которых в империи ограничивала черта оседлости. Культурные потребности местечковых евреев удовлетворялись собственными силами: цадиками, раввинами и фольклором. Черносотенная политика царской администрации по отношению к евреям заключалась в ужесточении ограничений и запретов. Поэтому культурные запросы еврейская публика Вильно, Витебска, Минска могла удовлетворять только на польском языке. Углубляется языковой барьер между городом и деревней. Для образованных горожан беларусская деревня становится экзотикой. Этнографические исследования стали распространенным хобби для интеллигентов, а беларусский язык надолго обосновался в умильных сборничках типа «Дудка беларуская» и «Смык беларускі».

IV. 1863–1918 годы. Второе рождение Беларуси. Горожане и селяне

Увлечение беларусской этнографией совпало с началом народо-вольческого хождения в народ. К этому времени Литва уже окончательно забыта. Само имя стало закрепляться только за населением Ковенской и частично Виленской губерний – за жемайтами и аукштайтами. Аборигены Северо-Западного края стали только беларусами; крестьяне, получая образование, начали мигрировать в города и принесли в них беларусскую струю. Горожане не сопротивлялись. У поляков была своя «историческая родина», у евреев – своя. Несмотря на свое численное превосходство и культурное доминирование, они вынуждены были уступить крестьянской беларусизации, признать права тех, кого через сто лет станут называть титульной нацией. Национальная культура обзавелась минимальным набором современных началу века атрибутов: средним образованием, газетами,

театром, наивно-модернистской литературой, революционными молодежными кружками. В городах сложилась культурно-языковая чересполосица: официальный язык – русский, разговорный – польский и еврейский, модный – белорусский, а в Вильно еще и литовский. Весь регион называется Белоруссией, но границы его размыты – от Смоленска до Белостока, и принадлежность его к той или иной культуре не определена. На волне самоопределения народов развалившейся империи Романовых Беларусь пытается обрести самостоятельность. Государственность учреждается то в Смоленске, то в Вильно. Ее поддерживают то большевики, чтобы не отдать регион Польше, то немцы, чтобы обезопасить тылы. В конце концов страна делится на три части: Западная Беларусь достается Польше, Восточная – РСФСР, а Минск становится столицей крохотной марионеточной БССР под управлением красных комиссаров. В маленькой республике объявляется четыре государственных языка: белорусский, русский, польский и еврейский. Древняя Великая Литва сжалась до бывшей Ковенской губернии. Этой Литве достались эпическая история от Миндовга до Гедемина, слава Витовта, конституция Сапеги, культурный ренессанс Радзивиллов, подвиги Костюшки.

V. Польский, белорусский и еврейский вопросы – белорусский ответ

Беглый очерк белорусской истории дает представление о нескольких культурных катастрофах.

XVIII век. От имени народа в эту эпоху все еще говорит аристократия. Именно в эту эпоху «посполитый люд» Литвы лишается аристократии. Некому говорить и выступить от его имени.

Начало XIX века. Культурная инициатива переходит к дворянству. Белорусская шляхта именно в это время полностью утрачивает национальную идентичность, частью ополячивается, частью русифицируется. Те, что еще помнят себя литвинами, либо погибают в восстаниях, либо ссылаются в Сибирь, либо эмигрируют.

Вторая половина XIX века. Эпоха разночинцев, как это называлось в России, т.е. горожан. Как раз в это время белорусские города находятся в демографическом упадке. По этническому составу и по

происхождению городские обыватели не имеют преимущества с вольными до 1840 года городами. Они заселены мигрантами и маргинальными помещиками. Преобладающий язык в них польский, преобладающий этнос – евреи.

XX век. Только-только в белорусских городах появляются постоянные жители, со своей субкультурой и традициями, как начинается интенсивная миграция в города сельских жителей и белорусизация городов. Городские традиции, складывающиеся на польском и еврейском языках, неприемлемы для новых горожан, от них отказываются или забывают. Самый дикий пример этого – Витебск. Долгие десятилетия белорусский Витебск не желает признавать Марка Шагала своим. Шагал жил в другом городе. Он рисовал свой Витебск, а вовсе не тот, который обживают два-три последних поколения.

Последняя катастрофа – переселение, изгнание или уничтожение евреев. С исходом евреев из белорусских городов окончательно исчезает городская культура, традиция, связывающая XIX век и даже довоенное время и наше.

В прошлом веке на земле Беларуси остро стоял польский вопрос. Историческим ответом на него была государственность Литвы, но национальная политика Российской империи стимулировала другой ответ – белорусский. Из сельских жителей наследников Великого княжества Литовского была выращена новая нация – белорусы. Эту нацию лишили истории, но отдали ей территорию. Польский вопрос исчез.

Черносотенный режим царского периода и борьба с космополитизмом в сталинской национальной политике обострили еврейский вопрос. Он решался пятьдесят лет, но решался самым варварским способом, на который оказался способным XX век, – геноцидом. То, что не доделало НКВД в 30-е годы, продолжили фашисты в 40-е, а в 60–80-е годы исход евреев к Сиону довершил опустошение белорусских городов.

Таким образом, к моменту развала СССР Беларусь была самой чистой в этническом плане из союзных республик. 80% населения страны принадлежало к титульной нации. Но это была нация в младенческом возрасте, без культурных корней, без памяти, без планов на будущее.

VI. Раздельная жизнь людей и языков

Стало банальным утверждать, что каждое меньшинство вносит свой вклад в богатство страны. Культурное и этническое разнообразие есть благо для народа и неоценимое достояние. Культура жива только в трансляции и реализации себя. Для трансляции нужны преемственность традиции, фольклора, ремесел, образа жизни, нужны семейные связи и длинные цепи семейных поколений, необходимо знание языков. Люди в Беларуси жили отдельно от традиции, от преемственности семей, от языков.

За два века в Беларуси несколько раз сменилась доминирующая конфессия: исчезли автохтонные протестанты, зато стали распространяться харизматические течения, завезенные из Америки, сократилась численность католиков, уничтожено униатство, прекратилась традиция иудейства с хасидизмом после исхода евреев.

Через каждые несколько поколений жители Беларуси начинали говорить на другом языке. Поэтому они с недоверием относятся к свидетельствам прошлого, как чуждым. Да и потребность обращаться к этим свидетельствам почти отсутствует. Крестьянам это не нужно, а длина цепочки поколений горожан редко превышает два-три звена.

Поэтому утверждение о том, что сто лет назад Беларусь населял тот же народ, что и теперь, – весьма сомнительная гипотеза. Во всяком случае, доказать ее будет трудно.

Так что если Беларусь заселить попусами и пингмями – ничего принципиально не изменится. Здесь будет такой же расовый мир и этническая толерантность, как и до сих пор. Только как долго попусы продержатся на этой земле? Смогут ли они начать, продолжить и сохранить традицию и преемственность?